

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *А. Антонова*

Под редакцией *О. Рубис*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80

Развод и девичья фамилия : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-109033-3

Прошло больше года, как Кира разошлась с мужем Сергеем. Пятнадцать лет назад, когда их любовь горела, как подожженный бикфордов шнур, нелегко было представить, что эти двое могут развестись. Их сын Тим до сих пор не смирился и мечтает их помирить. И вот случай представился, ужасный случай! На лестничной клетке перед квартирой Киры кто-то застрелил ее шефа, главного редактора журнала «Старая площадь». Кира была его замом. Шеф шел к ней поговорить о чем-то секретном и важном... Милиция, похоже, заподозрила в убийстве Киру, а ее сын вызвал на подмогу отца. Сергей примчался немедленно. И он обязательно сделает все, чтобы уберечь от беды пусть и бывшую, но все еще любимую жену..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109033-3

© Устинова Т. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Он был в ванной, когда неожиданно позвонила бывшая жена.

— Сереж, — позвала Инга и поскреблась в дверь, — тебя спрашивает какая-то Кира! Говорит, что она — яд.

— Не яд, — пробормотал Сергей, второпях смывая мыльную пену с волос, — Ятт.

— Что? Сереж, я ничего не слышу. Ты подойдешь или нет?

Он толкнул дверь и высунул руку, в которой сразу же оказалась заморская телефонная трубка из шершавой пластмассы.

— Да.

— Сереж, тебе чай или кофе? — закричала Инга уже издали, и он прикрыл дверь в ванную.

— Привет, — сказала из трубки Кира, — ты уже завтракаешь или только голову моешь?

— Привет, — поздоровался Сергей. На вопрос про голову он предпочел не отвечать.

Она резвится с утра пораньше, а он потом целый день будет думать невесть о чем. День у него и без того планируется сложный.

— Ты зачем по фамилии представляешься? Или ты думаешь, что я не догадаюсь, какая Кира может мне звонить?

— Кто тебя знает, — сказала она весело, — ты у нас явление загадочное и необъяснимое.

— Я не у вас, — пробормотал он, — я сам по себе.

— А к телефону кто подходил? — продолжала Кира все так же бойко, но его натренированное ухо вдруг уловило легкую фальшь. — Очередная дама сердца?

— Кира, ты зачем звонишь?

Она немного помолчала.

Бывший муж кинул полотенце и беспокойно уставился на себя в зеркало. Кира вздохнула на том конце провода. Вечная его манера — смотреть и не видеть. Если бы в зеркале вместо него вдруг оказалось изображение какого-то другого человека, он вряд ли бы это заметил.

— Сереж, Тимкин класс едет в пятницу в Кострому. На все выходные.

— Ну и что?

— Ну, и я не хочу, чтобы он ехал.

— Почему? — удивился Сергей.

— Да потому, что мы понятия не имеем, чем они там будут заниматься! — начала Кира сразу с высокой ноты, как будто продолжала давний, бессмысленный и надоевший спор.

Впрочем, так оно и было. Именно его она и продолжала, и он даже имел название и краткое содержание — либретто, как балет.

Название было «Плоды неправильного воспитания, или Некудышный отец». Краткое содержание: «Тебе наплевать на собственного сына. От тебя не дождешься даже ерундовой поддержки. Ну скажи, чему ты научил его, как отец?! Рассказывать анекдоты?! Кидать снежки?! Лазать через забор на даче?! Ты что, не понимаешь, что не имеешь на него никакого влияния?! Ты что, думаешь, что, если...»

— Кира, — прервал он ее монолог, хотя она давно молчала — весь монолог он прокрутил в голове, — я не понимаю, почему Тим не может поехать в Кострому, если туда едет весь класс?

— Да в том-то и дело, что не весь! Едут человек восемнадцать, как всегда, все его дружбаны, и его тоже тянет! А я не знаю...

— А программа есть, — перебил ее Сергей, — программа пребывания? Что они там делать собираются?

— Есть, наверное, — неуверенно ответила Кира.

— Ты не смотрела?

— Нет.

Он вздохнул:

— Ну, и чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты ему запретил.

— Здравствуйте! — сказал он сердито. — Почему я должен?!

— Я понимаю, что ты ничего не должен, — отчеканила Кира, — ты никогда ничего и никому не должен, особенно нам. Но я не хочу, чтобы он ехал. Я не уверена, что там за ними станут нормально смотреть. Я не желаю потом никаких неприятностей.

— Каких неприятностей, Кира? Им по тринадцать лет!

— Вот именно.

— Если ты имеешь в виду сексуальную сторону, то я научу его пользоваться презервативом. Специально для этой поездки.

— Ты просто придурок, — тихо сказала Кира, — как это я забыла!..

— О чем, — спросил он, — о том, что я придурок?

Но она уже повесила трубку. Ей все было ясно.

Ей давно все стало ясно.

Странно только, что сначала она ничего не понимала и была так влюблена в него, что ему казалось: даже если солнце повернет в другую сторону, она его не разлюбит. Он отлично помнил, что думал об этом именно такими словами — «солнце» и «повернет». И вправду придурок.

Тогда ей исполнилось двадцать, а ему двадцать четыре — гигантская разница в возрасте. Он был взрослый человек, инженер, а она девчонка, студентка.

С тех пор прошло пятнадцать лет, и ей наконец-то все стало ясно. И ему тоже.

— Сереж, — позвала из-за двери Инга, — ну что ты так долго?! Выходи, я кофе сварила.

— Выхожу, — ответил он.

Под конец их брака он готов был ее убить. Просто взять и убить — застрелить из пистолета или подсыпать яду в чашку. Он не знал, куда ему деться от ее ненависти — она была повсюду. Даже его рубашки, которые она вышвыривала из своей половины гардероба, потом долго пахли ее ненавистью. Он не мог бы этого объяснить, но чувствовал очень остро.

Потом она сказала: «Я больше не могу. Я тебя ненавижу».

И они развелись.

Ну и что? Все разводятся. Из тех, кто поженится в один год с ними, вместе остались только Леха и Ленчик — родили троих детей, опростились и предпочли истинные ценности всему наносному и буржуазному. И еще Дима с Ольгой — эти, наоборот, во все лопатки делали карьеры, деньги, детей, и все им удавалось, и все у них получалось, и дети были красивые и умные, и карьеры — успешные, и домик построился в «тихом пригороде», и родители весело и ненапряжно помогали им с неразумными чадами, пока еще чада были неразумными, и до сих пор помогают, хотя они уже малость поумнели.

А у Сергея с Кирой так не вышло.

Ну и что? Почти ни у кого не выходит, если не считать Диму с Ольгой, а Леха с Ленчиком не в счет.

— Сережа! Ну это просто невозможно!..

Он распахнул дверь и почти вывалился в коридор. Следом за ним из ванной в коридор повалил пар и закружился, и повис, и зеркало моментально подернулось пленкой.

— Кто такая эта Кира?

— Моя бывшая жена.

— Иди ты!.. — вдруг брякнула Инга, как будто он сообщил, что Кира — королева монархического государства Нидерланды. — А почему она сказала, что она яд?

— Да не яд! У нее такая фамилия — Ятт. Кира Ятт. Ее отец родился в... английской семье.

— Ух ты! — восхитилась Инга, окончательно уверовав в королеву Нидерландов. — Класс какой! А она из Англии звонила?!

— Из Москвы, — буркнул Сергей.

— Как же, — удивилась Инга, — ты же говоришь, что она из английской семьи?

Сергей вдохнул и с силой выдохнул.

Секс был просто замечательный. Просто отличный секс. Но даже за отличный секс он не готов платить такую дорогую цену.

Спать можно. Разговаривать нельзя. Ну, никак нельзя разговаривать! Как будто он говорит на одном языке, а Инга — Катя, Маша, Тома, Таня, Вика, Ира, Лена, Оля — вовсе на другом, причем выучить этот загадочный язык Сергею никогда не удавалось, хотя он пытался.

Или учил плохо? Или ему попадались все не те учительницы?

После Кириной ненависти он не хотел никаких «тех». Он хотел незамысловатых и понятных удовольствий, и получал их сколько угодно, и чувствовал себя неотразимым мужчиной — до той самой поры, пока не приходилось все же разговаривать.

— Ну и что? — крикнула из ванной Инга.

— Что? — спросил он.

— Зачем она звонила, твоя англичанка?

— А... это по поводу сына.

— У тебя есть сын? — изумилась Инга.

Он усмехнулся, завязывая галстук. Так ведь и не научился завязывать его как положено, на шее. До сих пор все завязывал на коленке — так когда-то было принято у них в общезнании. Это очень неудобно, и длина каждый раз оказывалась неподходящей, и Кира говорила, что это «не по-людски», но он не умел по-другому.

— У меня есть сын, — согласился Сергей, — тринадцати лет. А почему это тебя удивляет?

— Ну, ты та-акой... та-акой...

— Ка-акой?

— Ну, ты са-авсем молодой и та-акой свободный!..

Каким-каким, а свободным он перестал быть в те самые двадцать четыре года, когда влюбился в Киру.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

— А чего им надо? — снова выплыла Инга. — Денег, что ли?

— Ингуль, — сказал он, морщась и рассматривая в зеркале свой галстук. Что-то было не так, а что именно, он все никак не мог понять. — Ну какая разница, что им надо? Не от тебя же надо!

— Да мне наплевать, — сообщила Инга издалека. Раздалось непродолжительное шипение, похожее на всплеск, и через некоторое время в нос шибанул запах серьезных, совсем не утренних духов. Инга любила именно такие духи, серьезные и крепкие. — Просто чудно. Она вроде никогда тебе не звонила.

Она звонила часто — на работу. С тех пор как они развелись, общение строго дозировалось — всего несколько минут, лучше всего с работы, когда и ему не до нее, и ей не до него. Так проще и безопасней.

Он допивал кофе и думал уже совсем о другом — кто поедет в апреле на выставку в Париж и кто и что станет докладывать на конференции в Техасе, — когда телефон опять зазвонил.

— Пап, — позвал из трубки странный голос — нечто среднее между петушиным фальцетом и шалыпинским басом, — это я. Привет.

— Привет, — сказал Сергей, — ты чего?

— Я ничего! А ты чего?

— И я ничего, — весело признался Сергей, — ты по поводу Костромы?

— Мама не хочет, чтобы я ехал, — озабоченно прогремел бас и тут же сменился фальцетом. — Пап, ну что такое-то? Я же не грудной младенец! Все едут, а я чего?

— Все? — переспросил Сергей.

— Ну, не все, — признался его сын, подумав, — ну не все, но почти все! А я?

— Тим, я с мамой не договорил. Я думаю, что она мне еще позвонит, и я постараюсь ее уломать. Кстати, почему она не хочет, чтобы ты ехал?

Тимофей моментально заюлил и стал быстренько и аккуратно запутывать следы, как заяц перед носом у лисы. Прорвавшись через поминутно повторяющийся «ясный перец» и «полный отстой», Сергей сообразил, что дело, очевидно, нечисто. Кира взбрыкнула не просто так.

— Так, — спросил он своим самым отцовским голосом, — в чем дело? Ты что? Начал курить?

Все оказалось еще хуже. На прошлой неделе за школой их застукал завуч. Они пили пиво. Сергей ничего про это не знал.

— Все ясно, — холодно произнес Сергей, — на маминем месте я бы тебя не то что в Кострому не пустил, я бы тебя на цепь посадил!

— Папа!..

— Тим, ты же должен соображать! Давай я привезу тебе ящик пива, ты его выпьешь, и потом мы вместе оценим последствия. Ты же не... павиан, а вся реклама рассчитана именно на павианов!

— При чем тут реклама!

— Вот ты мне теперь попробуй сказать, что пиво вы пили не из-за рекламы! Какое там у нас самое «продвинутое»?

— Папа!

— Тим, я никогда в жизни не поверю, что тебе до смерти захотелось пива! Этого просто не может быть. Я же все про это знаю!

— Зна-аешь! — передразнил Тим. — Конечно, знаешь! А сам ты когда начал пиво пить? В тридцать лет, что ли?!

В устах его сына тридцать лет прозвучало как двести. Сергей усмехнулся:

— Я точно не помню. Лет в восемнадцать, наверное. Мне некогда было, и времени было жалко на пиво!..

— Ну ясный перец!

— Да не перец, — сказал Сергей с досадой, — теперь вот не будет тебе никакой Костромы с друзьями и подружками, а все из-за пива. Оно того стоит?

— Папа! И ты тоже!

— Я не тоже! Если тебе нечем занять мозги до такой степени, что приходится занимать их пивом, я моментально найду тебе дело. Все, Тим. Я не хочу это обсуждать. Я позвоню маме и заеду вечером, если... смогу. Мы все обсудим.

— Нет, — вдруг грустно ответил Тим, — не заедешь ты вечером.

— Почему? — удивился Сергей. Придерживая плечом трубку, он мыл под краном свою кружку. Помыл, сунул на полку и посмотрел на стол. Была еще Ингина кружка, но он не стал ее мыть.

— Потому, — отрезал сын, — ты что? Не понимаешь? У нас сегодня этот козлина ночует.

— Какой... козлина? — не понял Сергей. И как только спросил, сразу понял.

— Мамин! — выпалил Тим. — Козлина вонючий! Припрется и сидит перед телевизором в одних носках! Как будто ему больше не в чем сидеть! А меня он зовет Тимоша! Урод! Ух, как я его ненавижу!..

— Тим. Замолчи.

— Почему я должен молчать?! — Фальцет поехал в обратную сторону и переехал в расстроенный бас, — я его ненавижу! После него в ванной на полу всегда лужа, как будто он на пол писает!

— Тим.

— А жрет, как будто три года голодал! Я его спросил в прошлый раз: может, он житель Сомали, а он захихикал как придурочный! Он на всю голову больной, пап!

— Тим.

— А маму он зовет «Кирха», шутит так, блин! И он привез к нам свой халат! — И разгневанный Тим издал горлом звук, который должен был свидетельствовать о

том, что его сейчас вырвет. — Халат, ты представляешь?! По утрам он выходит в халате и говорит мне, что его, блин, никто не провожал в школу, а меня мамочка кормит да еще и возит! Я его убью, пап!

— Тим. Успокойся.

Сергей смотрел в окно, за которым стремительно наступало утро, и совсем не знал, что сказать.

— Зачем вы развелись?! — вдруг прогудел в трубке сын и всхлипнул, отчетливо и глубоко, как в детстве, и Сергей вдруг увидел зареванную мордашу, уткнувшуюся в его свитер, золотистый хохол на макушке, выпяченные от горя губы и розовые кулачки, стиснувшие толстую ткань. Столько раз это было — не сосчитать и не вспомнить. — Ну кто вас просил разводиться?! Ну вы бы тогда не женились, придурки проклятые! Ну, что теперь мне делать?! Ну па-апа!

Ему пришлось некоторое время помолчать и ответить, строго контролируя свой голос:

— Тим. Я... позвоню маме. Мы договоримся, и я заеду. Мы все решим.

— Вы уже все решили, черт бы вас всех побрал! — заорал сын. — Вы все решили, а я должен только слушаться! Жду не дождусь, когда вырасту и... и...

— Сереж, — с досадой сказала Инга, — ты сидишь на моих брюках. Что, теперь мне их гладить, что ли?!

Короткие гудки пронзили барабанную перепонку, а Сергею показалось, что мозг.

— Какие брюки?..

— Ну вот! Мои брюки! Я их положила сюда, а ты...

Он сунул трубку в гнездо аппарата и стремительно прошел мимо Инги, которая подхватила свои портки и теперь держала их на весу, как младенца.

Щелкнул замок, лязгнула дверь.

Инга прислушалась, а потом пошла на звук. Брюки свешивались в разные стороны, полоскались, взблескивали шелком.

— Сережа? Ты где? Сережа?! А я?!

Когда она догадалась выскочить на балкон, джип уже отъезжал, небо отражалось в полированной чистой крыше.

— Сережа!!

Польхнули красным тормозные огни, злобно взвизгнули колеса, машина как будто прыгнула за перекресток и исчезла из виду.

Настроение было отвратительным. У Киры всегда портилось настроение после разговоров с бывшим мужем, как будто это испорченное настроение могло хоть что-то изменить! Каждый раз приходилось уговаривать себя и утешать, потому что уговоры давно не помогали. Тим тоже неожиданно и не ко времени разошелся, и она никак не могла понять, в чем дело, а когда все же поняла, обозлилась еще больше.

Конечно, все дело в отце, будь он неладен! После разговоров с ним сын всегда впадал в нервное состояние, бросался на Киру и чуть не плакал, а сегодня даже плакал — крупными, детскими, неправдоподобными слезищами. Она с большим трудом выставила его к машине и видела в окно, как он плетется, волоча облезлый и чрезвычайной модный рюкзак, в широченных штанах, как будто падающих с попы, в уродливых ботинках и нелепой зеленой шляпе, тоже вроде бы очень модной.

Горькое горе.

Кира была умной и современной женщиной, никаких препятствий бывшему мужу не чинила, он мог встречаться с сыном сколько угодно и когда угодно, и бабушка с дедушкой «с той стороны» тоже никуда не исчезли из его жизни, и вроде бы все прошло с «наименьшими потерями», но невозможно, невозможно было видеть лицо сына, когда Сергей привозил его домой, доводил до двери и уходил, корректно попрощавшись с Кирой.

Может, зря она вела себя, как умная и современная? Может, ей нужно вести себя, как скандальная и отсталая

баба, просто запретить им видеться?! Может, тогда ее сын скорее бы все забыл и научился принимать жизнь такой, как есть?!

...Зачем она звонила? Ведь знала же, что ничем бывший муж не поможет, будет только с ослиным упрямством гнуть свое, говорить, что Кира поступает неправильно, если хочет уберечь мальчишку от непредвиденных обстоятельств и влияния коллектива! Вот он сам — вырос в коллективе, и ничего, все в порядке!

В порядке, черт бы его побрал!

Как это вышло, что она так его любила?!

Но ведь любила, и ревновала даже, и в Ригу с ним ездила, где жила тогда его бабушка, и хохотали они, и целовались, и по очереди качали кровать, в которой орал новорожденный Тим, а тот все время орал, и Сергей в пять часов утра выходил с ним во двор, чтобы он не перебудил соседей в их тогдашнем хлипком панельном доме на улице Фрунзе!

Кира потерла глаза и прислушалась.

За стеной начальник опять ссорился со своим замом — ссорился от души, во все горло. Весь коллектив, должно быть, уже в курсе, что начальник и зам крупно поругались.

Все мужики — кретины и недоумки, вне зависимости от возраста и положения. Вот свежая и конструктивная мысль.

Про конструктивные мысли Кира вчера вдоволь наслушалась на заседании думского комитета, где она представляла «прессу». Разговоров было море. Конструктивных мыслей — ни одной.

— ...если ничего не понимаешь! — разорвался за стеной начальник Константин Сергеевич Станиславов. Кажется, его матушка была большой поклонницей русского драматического искусства, вот он и стал Константин Сергеевич, да еще Станиславов! — Я не намерен больше печатать бред, который ты мне подсовываешь! Ты сколь-